

ЩХЪЭЦ *волосы на голове* (букв. *голова+волос*). Так, русская фраза «Он выдрал у меня все волосы на голове» на кабардинском звучала бы примерно как «Он у меня все головаволос выдрал». В качестве возможного продолжения исследования можно предложить использование соматизмов кабардинского языка для выявления особенностей концептуализации и категоризации мира за пределами собственно человеческого тела. Анализ многочисленных примеров обещает быть весьма плодотворным: так, в кабардинском языке полночь понимается буквально как «талия ночи», а сумерки наступают тогда, когда буквально «носы облаков смыкаются...».

Библиографический список

1. *Кубрякова Е. С.* Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // *Язык и знание*. М., 2004, С. 439–459.
2. *Словарь кабардино-черкесского языка*. Нальчик, 2002.
3. *MacLaury R. E.* Zapotec Body-part locatives: prototypes and metaphoric extensions 1989.
4. *IJAL* 55:119–54. Heine Bernd 1995. Conceptual grammaticalization and prediction. *Language and the Cognitive Construal of the World* by Taylor, John R. / *MacLaury, Robert E.* (ed.) Walter de Gruyter.
5. *Апажев М. Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик 1992, С. 124.
6. *MacLaury R. E.* Zapotec Body-part locatives: prototypes and metaphoric extensions. 1989. P. 119–54.

Р. С. Кимов

Локативные предикаты и концептуализация мира

Предлагаемое исследование представляет собой результат многолетних наблюдений автора над предикатами локативного состояния в кабардино-черкесском языке (в дальнейшем для краткости – кабардинском).

Данная группа глаголов имеет давние традиции изучения в кабардинском языкознании с точки зрения их морфолого-синтаксических особенностей. Вместе с тем, стремительное развитие когнитивной лингвистики вообще и когнитивной семантики в частности, настоятельно требует нового осмысления языковых фактов под углом зрения чисто человеческого восприятия, обработки и хранения информации, поступающей к нему извне [1].

Мы попытаемся показать структурные особенности предикатов в кабардинском языке, а также особую роль, которую они играют в концептуализации и категоризации мира.

Итак, в кабардинском языке существует три, говоря терминами когнитивной лингвистики, прототипических глагола (предиката), обозначающих локативное состояние: ЩЫТЫН, ЩЫЛЪЫН, ЩЫСЫН, которые, естественно, имеют свои соответствия в русском и европейских языках. Ср. ЩЫТЫН и русск. стоять; ЩЫЛЪЫН – лежать; ЩЫСЫН – сидеть (ср. англ. to stand, to sit, to lie). Однако, в отличие от русского языка, что не трудно заметить, во всех трех кабардинских глаголах повторяется элемент ЩЫ-, который по мнению авторитетных кабардиноведов, долго и плодотворно занимавшихся проблемой превербов, является локативным превербом, передающим абстрактное значение локации. Далее, в каждом из примеров есть элемент Н, который является показателем масдара (или инфинитива в общеязыковедческом смысле). Наконец, остается далее нечленимый срединный элемент, который и представляет собой корневую морфему – носитель лексического значения каждого из этих глаголов. При этом особо отметим, что морфемы -Т-; -С-; -ЛЪ- в кабардинском языке всегда (!) существуют только в связанном виде по сравнению с русским и европейскими языками, в которых соответствующие предикаты локативного состояния употребляются в свободном виде.

В кабардинском языке предлогов практически нет и для того, чтобы указать на особые характеристики того места, где «реализуется» одно из локативных состояний, он прибегает к трем наиболее распространенным локативным превербам И-; ДЭ-; ХЭ-. Пока что условимся передавать пространственное значение всех этих превербов на русский язык предлогами *в/внутри*. Каждый из этих превербов может быть присоединен к рассмотренным нами предикатам локативного состояния – ЩЫТЫН, ЩЫЛЪЫН, ЩЫСЫН *стоять, лежать и сидеть* соответственно, но при этом, входя в формальную структуру данных предикатов, они «выдавливают» из нее тот самый элемент ЩЫ-, который, как мы указали ранее, также имеет статус преверба с обобщенным абстрагированным значением места, т. е. как бы происходит своеобразное сужение сферы влияния соответствующего предиката (стоять, лежать, сидеть): ср. И-ЛЪЫ-Н – *лежать в*; ДЭ-ЛЪ-ЫН – *лежать в*; ХЭ-ЛЪЫ-Н – *лежать в*; И-Т-ЫН – *стоять в*; ДЭ-Т-ЫН – *стоять в*; ХЭ-Т-ЫН – *стоять в*; И-С-ЫН – *сидеть в*; ДЭ-С-ЫН – *сидеть в*; ХЭ-С-ЫН – *сидеть в*.

Рассмотрим теперь локативные конструкции типа X в Y (ср. Яблоки в вазе) в терминах «фигуры» и «фона», восходящих к работам Л. Талми [2].

В качестве синонимичных в когнитивной грамматике Р. Лангкра используются термины «траектор» и «ориентир» [3]. Для данного сообщения нас больше устраивает первая пара терминов, в виду того, что «траектор» содержит некое указание на движущийся объект, мы же оговорили, что рассматриваем предикаты локативного состояния. Итак, в локативной конструкции X в Y в качестве фигуры, естественно, выступает X, роль фона играет Y.

Сразу же оговоримся, однако, что в кабардинском языке в силу его типологических особенностей как сильно классифицирующего языка не могут функционировать локативные конструкции как с «общим» предикатом или же с отсутствующим предикате вообще:

Ср.: русск. X в Y-е «Цветы – в вазе»

англ. X is in Y The flowers are in the vase

франц. X est dans Y Les fleurs sont dans la vase

нем. X ist in Y Die Blumen sind in der Vase

Как видно из примеров, в европейских языках локативные конструкции подобного рода реализуются именно благодаря соответствующему глаголу-связке, т. е. он является облигаторным элементом локативной предикации в отличие от русского языка, в котором связка имеет статус «сокровенной» (Арутюнова). В кабардинском языке обязательным условием является указание на то, каким образом X соотносится с Y-ом, точнее говоря, указание на то, каково актуальное соотношение фигуры и фона. Иными словами этот язык обязательно должен, так сказать, знать, что «делает» объект в том или ином месте: он либо сидит, либо стоит, или же он просто лежит. Кстати говоря, русский язык иногда тоже в определенных ситуациях «замечает» особое соотношение X-а и Y-а и с его точки зрения вполне приемлемы высказывания типа: «Эти цветы долго простоят в вазе» или же «Поставь цветы в воду» и т. д. Для европейских языков же фиксирование локативного состояния X-а в Y-е распространено в общем случае лишь в императивных конструкциях (ср. англ. Put the flowers in the vase; фр. Mettez les fleurs dans la vase;). Но даже при всем этом, в отличие от русского, а тем более и кабардинского языка, эти высказывания не содержат указания на конкретное локативное состояние, в котором объект должен, так сказать, будет пребывать после «обретения» соответствующего состояния. Итак, в кабардинском языке (для облегчения восприятия данной фразы заменим цветы и вазу на X и Y) данная фраза будет выглядеть следующим образом: X Y-м ИЛЪЦ (букв. цветы вазе Влежат). Вначале мы отметили, что состояние «лежать» выражается связанной корневой морфемой – ЛЪ-. Само же соотношение фигуры и фона выражено в данном примере превербом И-, который по своему значению коррелирует с русским

предлогом *в* (ср. англ. *in*; франц. *dans* нем. *in*). Мы также условились считать, что все три преверба И-; ДЭ-; ХЭ в сочетании с тремя связанными корневыми морфемами передают значение, близкое русскому предлогу *в*. Отчего же зависит выбор преверба? Оказывается, кабардинский язык довольно чутко реагирует не только на само локативное состояние, но и на когнитивные и, прежде всего, на топологические характеристики фона. Так, если фон представляет собой типичный контейнер (ср. ваза, коробка, ящик и т. д.) соответствующее локативное состояние фигуры (Х-а) выражается в контексте преверба И-.

Вместе с тем, преверб ДЭ- в качестве определенного условия для осуществления, так сказать, локализации требует контейнер особого рода, который явно ограничен с двух сторон, или мыслится как таковой. Так, если в языках европейской культуры, как, впрочем и в русском, вполне приемлемы фразы типа *он во дворе* (ср. *he is in the yard*; *il est dans la court*) то есть используется тот же самый предлог *в* и его европейские эквиваленты, то в кабардинском языке для обслуживания подобных «фонов» необходим уже другой преверб, а именно – ДЭ. Иными словами, двор уже осмысливается как место, доступ к которому осуществляется через ворота. Ср. также выбор того же преверба для «обслуживания» других объектов. Например, сундук, шкаф, выдвижной ящик (стола) также топологически концептуализируются как контейнеры особого рода. Как ни странно, референт слова рот в кабардинском языке причисляется к данному топологическому типу, которому мы дали рабочее определение «створчатые контейнеры». То есть когнитивно салиентным признаком при концептуализации референта слова рот выступает наличие челюстей, которые образуют створку.

Каковы же условия выбора преверба ХЭ- для указания на соотношения фигуры и фона? Оказывается, в контексте данного преверба фон должен представлять собой недискретную массу типа вода, воздух (ср. *in the water*, *in the air* и т. д.).

В качестве возможного продолжения темы исследования мы бы предложили выбор предиката в зависимости от качества фигуры. К примеру, жидкости с точки зрения кабардинского языка всегда «стоят», сыпучие предметы, как правило, «лежат».

Библиографический список

1. Кубрякова Е. С. Когнитивная парадигма научного знания и особенности когнитивного подхода к явлениям языка // Язык и знание. М., 2004. С. 41–45.

2. *Talmy L.* Figure and ground in complex sentences // Universals of human language / J. Greenberg et al. (eds.) Stanford 1978. Vol.4.

3. *Langacker R.* Foundations of cognitive grammar. Stanford, 1987. Vol. 1. Theoretical Prerequisites.

Rashad S., Kimov

Body parts as source concepts

Body part terms have been the focus of linguistic studies since long. Nowadays, due to the rapid development of cognitive linguistics in general and cognitive semantics in particular within the last few decades they are being looked at in a different way. Thus, in recent studies on grammaticalization they are regarded as source concepts for the expression of grammatical functions. In this connection some very important questions have been discussed in some way or other in the relevant literature [1].

In the present paper we will mainly focus on some cognitive peculiarities of body part terms in Kabardian (one of the autochthonous West Caucasian languages spoken in Kabardino-Balkaria, Russia) as source concepts from two angles: (1) body-part terms and naive anatomy and (2) body part terms as locatives and partitives.

The choice of the material has been determined by a very important reason. And that reason is that «source concepts tend to be derived from domains of cognition that are basic to human experience» [2, c. 119]. In this respect we consider body part terms the most favourable ground to demonstrate phylogenetic aspects cognition.

Kabardian initially gives names to several body parts (reasons for this may be various, most important being, probably, the functional aspect), such as body, head, nose, neck, tail, back, heart, etc. Each of the units extend metaphorically from the corresponding prototype (or from their basic domain), acquiring, consequently, different meanings.

When the necessity to name other parts of bodies (functionally less important, maybe) presented itself the language having intricately combined the above terms gave names to them. Thus, hand fingers and foot fingers in Kabardian are literally *handnose* and *footnose*, i. e. «hand + nose»; «foot + nose»; lips are literally conceptualized as *mouthnose*, i. e. «mouth + nose». Wrist and ankle are correspondingly understood as *armneck* «arm + neck» and *legneck* «leg+neck». It is clearly seen from the examples that the second component of every compound word is a metaphorically applied member. The